

Его Тело Истинного Дракона, разумеется, не страшилось холода; для него метель была лишь зимним украшением. Облаченный в тонкий черный халат, он неспешно шел сквозь снег. Однако стоило ему поравняться с выходом из переулка, как чья-то рука ухватила его за рукав.

Сюэ Сянь по натуре был одиночкой, не привыкшим к излишней близости с посторонними, а уж тем более — к тому, чтобы его кто-то дергал.

Нахмурившись от раздражения, он обернулся и увидел мужчину средних лет в сером ватном халате. Тот держал промасленную бумажную зонтичную ширму, а через плечо у него была перекинута деревянная аптечка на тканевом ремне. Судя по следам на снегу, он вышел из переулка.

Сюэ Сянь уже смутно помнил этого человека: в памяти всплывали лишь окладистая борода и добродушное лицо.

Едва ухватив Сюэ Сяня за руку, мужчина указал на его кисть и запричитал:

— Такая глубокая рана! Если не наложить лекарство и не перевязать, плоть начнет гнить от мороза. В такую сырую и холодную погоду поддержишь пару дней, а потом в каждый снегопад или дождь будет ныть — намучаешься ведь.

Мужчина говорил так наставительно, словно поучал младшего члена своей семьи, совершенно не церемонясь. Сюэ Сянь замер, озадаченный, и машинально взглянул на свою руку.

Рука, которую держал незнакомец, действительно была повреждена — след от неосторожного столкновения с дождевой молнией. Для Сюэ Сяня эта царапина была сродни легкой ссадине от древесной ветки: он забыл о ней в тот же миг, и через пару дней все зажило бы само собой. Но в глазах обычного человека рана выглядела пугающе: она тянулась через всю тыльную сторону ладони, края запеклись кровью, а плоть была вывернута так, что виднелась кость.

Мужчина, не говоря больше ни слова, потянул ошарашенного Сюэ Сяня за собой по переулку и вскоре остановился перед воротами, выкрашенными красным лаком.

Похоже, это был его дом. Мужчина толкнул створку и крикнул внутрь чье-то имя, а затем добавил:

— Принеси-ка мне ручную грелку с моего стола.

Закончив, он открыл аптечку и, не теряя ни секунды, принялся старательно обрабатывать рану Сюэ Сяня.

Вскоре к дверям вышла женщина средних лет с таким же добродушным выражением лица, как у мужчины, и подала маленькую медную грелку. Следом за ней показался мальчишка лет семи-восьми. Встретившись взглядом с Сюэ Сянем, он улыбнулся и, сделав вид, что знает всё

на свете, указал на руку гостя:

— Два дня нельзя мочить, особенно в холодной воде.

— Иди, иди, садись за уроки, — с улыбкой отогнала его женщина, после чего обратилась к Сюэ Сяню: — Он прав, воду ране лучше не давать. В такую погоду нужно беречься, иначе останется больное место, которое потом каждый год будет давать о себе знать.

Слова женщины точь-в-точь повторяли то, что сказал мужчина.

— Ты куда-то спешишь? Может, зайдешь в дом, согреешься? — заботливо спросил мужчина, закончив перевязывать руку тонким льном и осторожно завязывая узел, чтобы не задеть больное место.

— Нет, у меня есть дела, — ответил Сюэ Сянь. Помедлив, он добавил с легкой неловкостью: — Благодарю вас за заботу.

— Тогда возьми хотя бы эту грелку, такая рана нуждается в тепле. — Мужчина не стал слушать возражений и просто сунул грелку размером с ладонь Сюэ Сяню в руки.

Хотя Сюэ Сянь не страшился стужи, тепло он все же чувствовал. Когда горячая грелка прильнула к ладони, он поднял взгляд на табличку над воротами дома, где значилось: Медицинский зал семьи Цзян.

Спустя годы, однажды проезжая через уезд Нинъян, он, убедившись, что его никто не видит, вошел во двор семьи Цзян, оставил на каменном столе медную грелку и мешочек с Золотыми бусинами, а затем неспешно удалился.

В этот раз, снова оказавшись в Нинъяне и вспомнив о доме врача, он решил заглянуть туда по пути — но застал лишь запустение. Красные лакированные ворота и сад целебных трав превратились в руины, а от семьи остался лишь Цзян Шинин — одинокий дух-призрак.

Сюэ Сянь помог ему еще раз.

В конце концов, в этом мире не все были такими гнилыми насквозь, как советник Лю. Где были неблагодарные, там были и те, кто помнил добро.

Сюэ Сянь взглянул на снегопад за порогом и прислонился спиной к статуе Будды.

Цзян Шинин внезапно спросил:

— Перед тем как уйти, ты попросил меня подождать у дверей. Что ты там возился у стола того мастера?

Сюэ Сянь лениво отозвался:

— Оставил кое-что. В знак благодарности за то, что помог мне вернуть Золотую бусину.

Он оставил Сюань Миню не что иное, как собственную драконью чешую. В конце концов, это была часть Тела Истинного Дракона. Хотя она не могла оживить мертвого, но как лекарство стоила куда дороже горного женьшеня или линчжи. Тот лысый монах был нездоров — неизвестно по какой причине — но с чешуей дракона в составе лекарства ему должно было полегчать.

Обычный человек, увидев драконью чешую, ничего бы не понял: на вид это была просто круглая тонкая пластинка размером с монету, отливающая сине-черным блеском. Лишь от нее исходил едва уловимый странный аромат — запах сырости, возникающий, когда дождь бьет по горным скалам, и еще какой-то... неописуемо свежий и сладкий привкус, словно от только что очищенной прозрачной креветки.

Сюэ Сянь молча открыл глаза и, не выражая никаких эмоций, пробормотал:

— Я немного проголодался.

В комнате на втором этаже Резиденции Отражения Облаков Сюань Минь по-прежнему сидел за столом с закрытыми глазами, не сменив позы, в которой оставил его Сюэ Сянь.

Перед ним на столе лежала расстеленная желтая бумага, а на ней — та самая драконья чешуя. Тот самый особенный аромат медленно распространялся в воздухе, достигая его ноздрей.

Сюань Минь нахмурился и внезапно открыл глаза. Родинка на шее, напоминавшая паука, тихо вернулась в свой привычный вид.

Он опустил взгляд на стол и увидел на желтой бумаге размашистые, неровные иероглифы, начертанные чьей-то дрожащей рукой: Целебная трава, лечит сто болезней, верь или не верь.

Сюань Минь поднял лежащий рядом черный кругляш, рассмотрел его, и вдруг, словно что-то вспомнив, достал из-за пазухи сложенный листок бумаги.

Развернув и расправив его, он увидел два иероглифа в самом верху: Поиск людей.

Рядом с ними красовался рисунок точно такой же черной пластинки, как та, что лежала перед ним на столе.

Поиск людей...

Сюань Минь нахмурился, внимательно сравнил рисунок с предметом в руке, снова аккуратно сложил бумагу и, сжимая в пальцах чешуйку, тихо замер в свете свечи.

За окном холодный ветер вперемешку со снегом с шорохом бился о дверную балку.

И горные тропы, и узкие городские улочки утопали во тьме.

Снегопад то стихал, то усиливался, продолжаясь целые сутки. Для Сюэ Сяня и Цзян Шинина это было и плюсом, и минусом.

Плюс заключался в том, что Цзян Шинин, будучи призраком, опасавшимся янской энергии, в такую погоду чувствовал себя вольготно: небо было затянуто тяжелыми тучами, янская энергия ослабевала, а иньская — возрастала. Это позволяло ему не «выдыхаться» сразу на рассвете.

А минус был в том, что...

— Помоги, прикрой мне лицо рукой! Живо! У меня голову снегом сдует! — с напором кричал Сюэ Сянь.

В такой ураган сидеть на плече у Цзян Шинина было невозможно. В итоге Цзян Шинину пришлось засунуть его себе за пазуху, оставив снаружи только голову, чтобы этот неугомонный тип мог указывать путь. Однако ветер дул непредсказуемо, со всех сторон сразу, вызывая лишь ярость.

Цзян Шинин с позеленевшим лицом поднял руку, прикрывая бумажную голову, и с трудом пробирался сквозь вихри:

— Можешь просто спрятать свою драгоценную голову внутрь одежды.

Сюэ Сянь отрезал:

— Нет, боюсь, как только я отвлекусь, ты свернешь не туда.

Цзян Шинин: «...» И у кого из нас топографический кретинизм?

Сюэ Сянь холодно усмехнулся:

— Когда доберешься до города, еще приползешь ко мне со слезами на глазах, спрашивая, как идти.

Цзян Шинин: «...»

Их путь лежал в уезд Волун, расположенный через два уезда от Нинъяна. Это был один из прибрежных городов с древней пристанью.

Пристань была небольшой, судов ходило немного, и это был далеко не единственный путь к префектуре Аньцин. Сюэ Сянь выбрал этот маршрут лишь потому, что ему нужно было кое-кого там найти.

— В квартале к востоку от пристани живет семья, кажется, два брата, но они не очень ладят. Я был там дважды, и оба раза они ссорились. Старший из них кое-что умеет, мне нужно, чтобы он взглянул на эту Золотую бусину. Возможно, он знает, где сейчас тот, кто продал её советнику Лю, — так Сюэ Сянь объяснил Цзян Шинину.

Раз уж Сюэ Сянь был там дважды, значит, тот мастер действительно был хорош. Цзян Шинин не стал спорить и послушно направился в уезд Волун.

Чтобы избежать проблем с проверками на въезде в города, они решили обойти два промежуточных уезда стороной, двигаясь по горным тропам. Один — дракон, другой — призрак, оба привыкли к ночным переходам, так что бояться было нечего.

Однако ходили слухи, что в местных горах промышляют разбойники. Шайка была мелкая, но проезжим докучала. Поскольку у Сюэ Сяня была Золотая бусина, Цзян Шинин всю дорогу дрожал, опасаясь наткнуться на них и быть разорванным на части.

Его тревога лишь усилилась, когда на колоннах заброшенных храмов, где они останавливались на ночлег, он увидел следы от топоров, а у дверей — засохшие пятна темной крови.

Но то ли маршрут был удачный, то ли еще что — живого разбойника они не встретили ни разу. А если мимо проезжали повозки, то Сюэ Сянь превращался в бумажного человечка, и они добирались до города на попутках.

В общем, путь был до странности спокойным.

На четвертый день, когда они без единой царапины оказались у ворот назначения, Цзян Шинин все еще не мог поверить своему счастью:

— Неужели нам так везет?

— Обычно люди боятся, что воры их приметят, а ты только о них и думаешь, — Сюэ Сянь поднял голову, глядя на городские ворота.

— Уезд Волун... — прочитал Цзян Шинин. — Говорят, все названия с иероглифом Дракон означают, что там когда-то являлся истинный дракон. Может, этот дракон здесь когда-то спал?

Сюэ Сянь поморщился:

— Этот уезд размером с ладонь, тут даже встать негде, ты бы сам тут спал!

Цзян Шинин растерянно посмотрел на него:

— Я же не про тебя сказал.

Они прибыли как раз к пятой страже. Городской колокол пробил утро, звук волнами разошелся

от центра к окраинам. Как только смолкло последнее эхо, ворота начали медленно открываться.

Цзян Шинин отступил в тень, собираясь превратиться в бумагу и проскользнуть внутрь, пока еще не рассвело, чтобы избежать лишних вопросов. Но стоило ему сделать шаг назад, как он наступил на что-то твердое.

— Что там? — спросил Сюэ Сянь.

Цзян Шинин присел, разгреб снег и вытащил деформированную железную пластину.

В свете фонаря на стене Сюэ Сянь прищурился: пластина размером с большой палец, на одной стороне грубо выгравирована волчья голова, на другой — имя, но оно было так сильно затерто ножом, что разобрать ничего было нельзя.

— Еще одна, — пробормотал Цзян Шинин и достал из-за пазухи точно такую же.

Первую он нашел под статуей Будды в разрушенном храме. На ней тоже было пятно засохшей крови, а имя — изуродовано до неузнаваемости.

— Оставь пока, — сказал Сюэ Сянь.

Цзян Шинин припрятал железки и, не теряя времени, проскользнул в город вслед за караваном.

Оказавшись внутри, он опешил.

Уезд Волун совершенно не походил на Нинъян: здесь почти не было прямых улиц, всё петляло и пересекалось, напоминая запутанный лабиринт.

Цзян Шинин долго молчал, наконец опустил голову и спросил:

— Как... как здесь идти?

Сюэ Сянь, самодовольно прижимая к себе Золотую бусину, вертел головой:

— На перекрестке поверни в проулок с лавкой лепешек семьи Чжан.

— Видишь тот лоток со сладостями из кунжута? На повороте сверни на запад.

— Откуда пахнет супом с вонтонами? Точно, иди по этой развилке.

...После нескольких таких поворотов Цзян Шинин от его указаний проголодался до смерти. Будучи призраком, он и не помнил, когда в последний раз чувствовал голод.

— Ты, топографический кретин, неужели запоминаешь дорогу только по еде? — спросил он, теряя всякое терпение.

Сюэ Сянь обнял бусину и кивнул:

— Именно. Шагай и не болтай, скоро рассвет. Пройдем мимо лавки тушеного мяса и закусочной Байшунь — и мы на месте!

Цзян Шинин молча закатил глаза.

Хоть способ навигации этого предка был раздражающим, срезал он знатно. И правда, миновав закусочную, Цзян Шинин вдалеке увидел пристань, скрытую в снежной дымке; флаги трепетали на ветру, у берега виднелись пассажирские суда.

Цзян Шинин прижал руки к груди, пряча выглядывающего из-за пазухи бумажного человечка, и, втянув голову в плечи, пошел к кварталу восточнее пристани.

— Предок, можешь сидеть смирно? Если тебя сдует ветром, я не буду подбирать, — проворчал он.

Сюэ Сянь еще раз обернулся на улицу, по которой они только что прошли, и цыкнул:

— Мне кажется, кто-то идет следом.

Цзян Шинин машинально остановился и огляделся:

— Никого странного не видно. Может, это снежинки мелькают перед глазами?

— Возможно, — пробормотал Сюэ Сянь, прячась обратно.

Он подумал: если бы кто-то действительно шел за ними, скрип снега под ногами был бы слышен. Наверное, и правда перенервничал.

Под руководством Сюэ Сяня они быстро добрались до уединенного домика в квартале. Называть это «домом» было бы лестью: снаружи он выглядел как курятник, дверь была одностворчатой, старой, покрытой плесенью от сырости.

Сразу видно, хозяева не особо заботились о быте.

— Стучи, — скомандовал Сюэ Сянь.

Цзян Шинин привык к сдержанности, поэтому постучал очень вежливо — трижды, тихо и медленно. У Сюэ Сяня от этого звука даже зубы заныли:

— С таким постукиванием ты дождешься только того, что они не услышат. У одного из них травма уха, стучи смелее!

Цзян Шинин неохотно прибавил силы, с каждым разом стуча все настойчивее.

Спустя долгое время изнутри слышались шаги. И то ли из-за того, что снег мешал, то ли еще почему, походка звучала странно... шатко?

— Сколько лет тем братьям? — не выдержал Цзян Шинин.

— О, — ответил Сюэ Сянь, — младшему лет восемь-девять, старшему — шестнадцать-семнадцать.

Цзян Шинин замер:

— Что? Ты хочешь спрашивать совета у ребенка?

В этот момент старая деревянная дверь с грохотом распахнулась.

— Вор! Прочь!! — раздался тонкий детский крик.

Затем последовал всплеск. Огромный таз воды — неизвестно откуда взявшейся — полетел прямо в лицо ошеломленному Цзян Шинину, промочив его до нитки!

Поскольку по натуре он был бумагой, от воды его сразу размякло, и он без сил повалился на землю. Сюэ Сянь, сидевший у него за пазухой, тоже пострадал: его вышвырнуло наружу, и он шлепнулся в грязь, а Золотая бусина покатилась прямо к порогу.

Человек за дверью с лязгом бросил таз, на секунду замешкался, а затем рванулся вперед, схватил бусину и в испуге попытался захлопнуть дверь.

Сюэ Сянь, прилипший к мокрой земле, уже собирался разразиться проклятиями, как вдруг сверху опустилась теплая рука и подняла его.

От этой руки исходил знакомый горький аромат лекарств, от которого Сюэ Сянь невольно чихнул. Он понуро опустил голову, пытаясь распрямиться, но не смог, и взвизгнул:

— Лысый! Я что, раскопал твою родовую могилу, что ты преследуешь меня везде?! Ты прошел восемьсот ли, тебе не надоело, мать твою?! А?!

Холодный и безразличный голос раздался прямо над головой Сюэ Сяня:

— Благодарю за беспокойство, не надоело.

— ... — Сюэ Сянь чуть не выплюнул кровь. Ему хотелось вбить этого монаха головой в землю!

Человеком, стоявшим перед дверью, был не кто иной, как Сюань Минь.

Держа мокрого Сюэ Сяня в одной руке и подняв превратившегося обратно в бумагу Цзян

Шинина другой, он без лишних церемоний толкнул ногой дверь.

Он широко зашагал во двор, схватил пытающегося сбежать «маленького вора» и, глядя сверху вниз, спокойно произнес:

— Не бери чужого. Верни бусину.

Сюань Минь был высоким, а воришка едва доставал ему до пояса — худой, лет восьми-девяти на вид. Он отчаянно брыкался, но никак не мог достать до монаха, отчаянно вопя: «На помощь! Грабят! А-а-а-а, отпусти!».

Такой наглости в криках «держи вора!» Сюэ Сянь еще не видел.

Жаль, что лысый монах был совершенно бесчувственным. Похоже, в его глазах не было разницы между мужчинами, женщинами и детьми. Сюань Минь с невозмутимым видом, удерживая мальчишку одной рукой, другой достал из-за пазухи талисман и небрежно прилепил его воришке на лоб:

— Молчать.

Мальчишка: «...»

Крик, который только начал набирать обороты, внезапно оборвался, и воришка покраснел, задыхаясь от ярости.

Сюэ Сянь молча коснулся своей мокрой лапой рта, чувствуя странную солидарность, но из-за того, что лапа намокла, она прилипла к губам. Если он начнет резко дергать, то или оторвет руку, или порвет губы — ситуация была критическая.

Сюань Минь мельком глянул на него и увидел, что этот «негодник» застыл в дурацкой позе.

Сюэ Сянь безразлично закрыл глаза: «...» Вся моя прошлая слава коту под хвост. Кто-нибудь, дайте веревку, чтобы повесить этого лысого, чтобы никто не узнал о моем позоре.

Сюань Минь, глядя на воришку, сухо скомандовал:

— Руки.

От талисмана на лбу мальчишку дернуло, словно марионетку на нитках, и он, потухшим взором глядя в пустоту, протянул обе руки.

Когда Сюань Минь забрал у него Золотую бусину, мальчишка, то ли от стыда, то ли от злости, покраснел до корней волос. Однако вид у него был упрямый — «убей меня, но не проси» — его определенно стоило проучить.

Добвшись цели, Сюань Минь перестал сдерживать воришку: он отлепил талисман со лба, аккуратно сложил его и убрал.

Сюэ Сянь с надеждой смотрел на Золотую бусину в руке Сюань Миня, ожидая, что монах её отдаст.

Он не ожидал, что этот лысый так поможет ему, и в нем вдруг проснулась крупца совести. «Ладно, — подумал он, — верну бусину — и пару дней буду вести себя тихо. Ради приличия, а если не поможет — дам ему еще одну драконью чешуйку, у меня их еще несколько».

Однако Сюань Минь, подержав бусину в руках и внимательно изучив её, вдруг нахмурился.

<http://bllate.org/book/21932/2278729>